

УЛЬРИХ ХОРСТМАНН

МОНСТР

ГЕРМАН ТЕННЕСЕН

СЧАСТЬЕ — ЭТО ДЛЯ СВИНЕЙ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 1(430)
ББК 87.3
X79

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого и английского — Владислав Педдер.

Под редакцией Владислава Педдера.

Хорстманн, У., Теннессен, Г.

X79 Монстр. Счастье — это для свиней. — М.: Тотенбург, 2026. — 288 с.

*Впервые публикуемая на русском книга Ульриха Хорстманна **Das Untier**, или «Монстр. Контуры философии бегства от человека», стала одной из самых резких и неудобных немецких философских книг конца XX века. В своей работе Хорстманн последовательно разворачивает антропофугальную мысль, в которой он рассматривает род человеческий, что на протяжении всей истории проявлял тревожную и навязчивую склонность к войнам и разрушениям. Посредством тщательного анализа многочисленных кровавых конфликтов, которыми отмечена история человечества, автор рассуждает о том, как эта разрушительная тенденция сформировала человеческое существование. «Монстр» приглашает читателей задуматься о сущности человечества и моральных дилеммах, возникающих из-за нашей способности причинять вред. Хорстманн раскрывает двойственность человека, который способен как к созиданию, так и к разрушению, а также социальные и культурные структуры, которые позволяют насилию и войне преобладать. В сборник также вошло вступительное эссе Владислава Педдера, переводчика и составителя этой книги, эссе Хорстманна «Мальстром Майнлендера» и «Философский деконструктор. Что характеризует Филиппа Майнлендера», а также два интервью с Хорстманном. Завершает книгу эссе Германа Теннессена «Счастье — это для свиней. Философия против психотерапии» во втором расширенном издании 1969 года — работа, продолжающая традицию скандинавского пессимизма Петера Весселя Цапффе и представляющая собой бескомпромиссную атаку на философию стремления к счастью и нормализации.*

**УДК 1(430)
ББК 87.3**

© Владислав Педдер,
перевод с немецкого,
перевод с английского, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОРОК ТРИ ГОДА МОЛЧАНИЯ.	
<i>Вступление Владислава Педдера</i>	4
<i>Ульрих Хорстманн</i>	
МОНСТР. КОНТУРЫ ФИЛОСОФИИ	
БЕГСТВА ОТ ЧЕЛОВЕКА	23
ЭССЕ УЛЬРИХА ХОРСТМАННА	156
Мальстрем Майнлендера.	
О философском послании в бутылке	
и его отправителе.....	156
Философский деконструктор. Что характеризует	
Филиппа Майнлендера.....	170
ИНТЕРВЬЮ УЛЬРИХА ХОРСТМАННА	196
«Монстр» — оптимизм против пессимизма	196
Гуманизм — отстой.....	222
<i>Герман Теннессен</i>	
СЧАСТЬЕ — ЭТО ДЛЯ СВИНЕЙ.	
ФИЛОСОФИЯ ПРОТИВ ПСИХОТЕРАПИИ.....	234

СОРОК ТРИ ГОДА МОЛЧАНИЯ

Вступление Владислава Педдера

Дорогой читатель, с самого начала необходимо обозначить контекст для данной книги, в особенности для читателей, со мной не знакомых. Я автор дилогии «Трагическое», и эта книга является продолжением моей работы по популяризации и развитию философии пессимизма на русском языке. Начиная с Дэвида Бенатара и Петера Весселя Цапффе, моя деятельность неуклонно движется ко все более темной философии — и после Томаса Лиготти и Эмиля Чёрана пришло время обратиться к Ульриху Хорстманну и Герману Теннессену, чтобы в конечном счете достичь квинтэссенции в лице Филиппа Майнлендера. И разумеется, это далеко не все авторы и не вся философия, о которых хотелось бы заявить и которых хотелось бы представить русскоязычному читателю, — но в ближайшие годы, а может и десятилетия, это все, что можно сделать публично.

Вы держите в руках первый перевод на русский язык *Das Untier* 1983 года — работы Ульриха Хорстманна, философа и литературоведа. Ульрих Хорстманн родился 31 мая 1949 года в Бюнде. В 1974 году он защитил докторскую диссертацию по английскому языку и философии — об Эдгаре Аллане По¹. Уже первая научная работа задала характерный вектор его мысли. После защиты он преподавал в Университете Южной Африки в Претории, затем, после хабилитации² в 1983 году, — в Мюнстере. С 1991 года и вплоть до выхода на пенсию Хорстманн

¹ *Ansätze zu einer technomorphen Theorie der Dichtung bei Edgar Allan Poe* (1975).

² Хабилитация (нем. *Habilitation* от лат. *habilis* «способный, пригодный») — термин, который означает процедуру получения высшей академической квалификации, следующей после ученой степени доктора философии.

занимал должность профессора английской и американской литературы в Университете Гиссена. Жил в Марбурге. Писал также под псевдонимом Клаус Штайнталь.

С 1976 года, параллельно с академической деятельностью, Хорстманн публиковал эссе, романы, пьесы и переводы с английского. *Das Untier* вышел в 1983 году в Вене, в издательстве *Medusa Verlag*, и немедленно вызвал бурную общественную реакцию. Хорстманн получал письма с угрозами. Книга была прочитана как провокация, как черная сатира на пацифистский дух эпохи — годы, когда движение за мир переживало подъем, а ядерное разоружение казалось нравственным императивом. Именно этому духу Хорстманн объявил войну, но лишь из убеждения, что гуманистический оптимизм есть ложь, что накопленный ядерный арсенал представляет собой инструмент, который история давно готовила для своего закономерного завершения. Последующие публикации — написанные в том же духе нигилизма и неприятия мира — окончательно сняли вопрос о сатире. Хорстманн говорил всерьез.

В 1988 году он был удостоен премии Клейста — одной из старейших и наиболее престижных литературных наград немецкоязычного мира. Выдвинул его на соискание поэт Гюнтер Кунерт.

В массовом представлении Хорстманна принято описывать как человека, доведшего до крайности пессимизм и мизантропию Шопенгауэра. Это верно, хотя первично возникает ассоциация с Эдуардом фон Гартманом и с Филиппом Майнлендером — прямыми идейными продолжателями Шопенгауэра. Первый будет представлен самим Хорстманном в этой книге, второй является автором «Философии искупления» (*Die Philosophie der Erlösung*), философом, пришедшим к выводу о том, что небытие предпочтительнее существования. Майнлендер развивал идею воли к смерти как высшей воли, ведущей

к искуплению, — однако речь шла не только об индивидуальном самоубийстве, хотя он сам в конечном счете его осуществил. Искупление мыслилось им как коллективный процесс угасания: через отказ от продолжения рода, через аскезу и добровольный уход из жизни человечество могло бы исполнить волю мироздания к небытию. В основе этого лежала его богословско-метафизическая посылка — Бог умер, распавшись на множество частей, и весь мировой процесс есть не что иное, как движение этих осколков обратно к блаженному ничто. Воля к смерти у Майнлендера — это завершение того, что было начато самим Богом. Вопрос о том, читал ли Хорстманн Майнлендера до написания *Das Untier*, остается открытым, по крайней мере в тексте *Das Untier* Майнлендер не упоминается ни разу, а уже через шесть лет Хорстманн напишет свое эссе «*Mainländers Mahlstrom*». Позднее Хорстманн сам подготовил к изданию *Die Philosophie der Erlösung* (1989), а также каждые несколько лет выступает на коллоквиумах, посвященных Майнлендеру, последнее эссе о котором *Den Bach runtergehen. Wie Mainländer sich für das Schwächeln stark macht* написано Ульрихом в 2024 году³, что делает его интеллектуальный интерес к Майнлендеру очевидным. Там, где Майнлендер предлагал индивидуальное угасание воли, Хорстманн в 1983 году настаивает на коллективном и окончательном — на ядерном самоуничтожении вида как единственно честном выводе из человеческой истории, хотя позднее он и отойдет от этой радикальной идеи и заявит, что это была лишь попытка заглянуть в подобный сценарий развития человечества. В настоящее время я все еще продолжаю работу над переводом *Die Philosophie der Erlösung* Майнлендера, и в будущем русскоязычный читатель сможет самостоятельно выстроить эту линию мысли — от Шо-

³ Философский коллоквиум о Филиппе Майнлендере в Испании, Мадрид, 6 сентября 2025.

пенгауэра через фон Гартмана и Майнлендера к Хорстманну — и решить, где проходит граница между пессимизмом как позицией и пессимизмом как приговором. И хотя описывать философию Хорстманна во вступлении было бы излишним, задать направление необходимо. В двух предложениях описать ее можно так:

«Конечная цель истории — поле осыпающихся руин. Ее последний смысл — песок, что ветер гонит сквозь глазницы человеческих черепов».

Теперь о переводе. Вопрос о переводе центрального понятия Ульриха Хорстманна — слова *Untier* — философский, и именно в таком качестве он заслуживает отдельного разговора. Перевод всегда есть интерпретация, и выбор одного слова вместо другого неизбежно влечет за собой смещение смысла — иногда незначительное, иногда принципиальное. В данном случае цена ошибки особенно высока, поскольку *Untier* является концентрированным выражением всей антропологической программы Хорстманна.

Немецкое слово *Untier* имеет долгую историю и устойчивое семантическое ядро. Этимологически оно восходит к средневерхненемецкому и обозначает животное, вышедшее за пределы нормы: дикое, свирепое, легендарное, внушающее ужас. Но это не просто *зверь* в нейтральном зоологическом смысле, скорее существо, которое превосходит обычное животное по своей дикости, опасности или мифической природе, — дракон из саги, чудовище из предания, существо, стоящее на границе между природным и сверхъестественным. Показательно, что слово в немецком сохранило свою устойчивость с эпохи Средневековья до наших дней, оставаясь при этом преимущественно литературным, фольклорным, драматическим и не используется в нейтральных описаниях живой природы, где немцы предпочитают *wildes Tier*. В самом немецком языке существует ряд слов со схожей семанти-

кой: *Monster* («монстр»), *Bestie* («бестия», «хищный зверь»), *Ungeheuer* («чудовище», «нечто огромное и пугающее»), *Scheusal* («мерзость», «отвратительное существо»), *Biest* («тварь», «зверюга»). Все они присутствуют в немецком, и все они — включая *Monster* — не являются точными эквивалентами *Untier*, поскольку несут иные коннотации. Сам Хорстманн остановился именно на *Untier*, и это важно.

Морфологически *Untier* распадается на приставку *un-* и корень *Tier* («животное»). Приставка *un-* в немецком не означает отрицания в строгом логическом смысле — она скорее указывает на избыточность, на выход за пределы нормы, на нечто, нарушающее ожидаемый порядок. *Untier* — это не «не-животное» и не «анти-животное», это животное, ставшее чем-то большим или иным, чем животное, — животное, переступившее границу. Именно здесь и возникает главная переводческая трудность.

Первым очевидным кандидатом является слово «зверь». Оно архаично, литературно, обладает нужной торжественностью. Однако «зверь» в русском языке устойчиво ассоциируется с животным началом, с природой, с биологической дикостью — и именно это делает его непригодным для перевода Хорстманна. *Untier* у Хорстманна — понятие, направленное против антропоцентризма, против гуманизма, взгляд на человека извне, лишенный гуманистических эвфемизмов, взгляд, отказывающийся признавать человека центром и мерой всего сущего. Если перевести *Untier* как «зверь», это создаст ложное впечатление, будто речь идет о возврате к животному состоянию, о прославлении биологической природности. Между тем Хорстманн движется в прямо противоположном направлении.

Слово «чудовище» влечет иные, не менее серьезные проблемы. Корень «чудо» отсылает к мифологическому, сверхъестественному, дивному. «Чудовище» —

это существо из волшебной сказки или религиозного предания, нечто принципиально иное по своей природе, нечто, вызывающее не только страх, но и изумление. *Untier* лишен этой мифологической ауры. Он холоден, аналитичен, материалистичен в своей безжалостности. Это не существо из легенды, это концептуальная позиция, философская перспектива, взгляд с той стороны гуманистического проекта.

Еще одно близкое русское слово «**тварь**»: несет устойчивый религиозный след: тварь как творение Божие, как существо, созданное творцом. Это прямо противоречит антиантропоцентрической и имплицитно атеистической направленности книги Хорстманна.

«**Нелюдь**» слишком прямолинейно указывает на человеческое как на точку отсчета и норму: нелюдь — это тот, кто отклонился от человеческого стандарта. Хорстманн же ставит под сомнение саму правомерность этого стандарта, саму категорию «человек» как привилегированное понятие. Переводить *Untier* как «нелюдь» значило бы воспроизвести именно ту антропологическую рамку, от которой текст стремится освободиться.

Если присмотреться к работам коллег, то можно увидеть, что испанское издание книги вышло под заглавием *El Monstruo* — «Монстр». Испанские переводчики, по всей видимости, руководствовались теми же соображениями, которые привели меня к тому же выбору независимо от них. Слово «**монстр**» существует и в самом немецком языке (*Monster*), однако Хорстманн сознательно предпочел ему *Untier* — более укорененное в немецкой языковой традиции, более темное. *Monster* в немецком несет налет массовой культуры. *Untier* — это слово из другого времени, более архаичного и более весомого. Переноса текст на русский язык, эта специфика теряется в любом случае: ни одно русское слово не воспроизводит в точности то семантическое пространст-

во, которое занимает *Untier* в немецком. Вопрос лишь в том, какое слово теряет меньше.

«**Монстр**» в русском языке лишен тех ярких мифологических, религиозных или зоологических коннотаций, которые делают непригодными «*чудовище*», «*тварь*» и «*зверь*». Он обозначает нечто, вышедшее за пределы нормы, нечто пугающее и чуждое — но без жесткой привязки к конкретной традиции. Именно эта семантическая нейтральность делает «монстра» наилучшим носителем идеи Хорстманна. «Монстр» у Хорстманна — это человеческое существо, животное, рассмотренное без антропологических прикрас: слепая сила, антиантропоцентрическая перспектива, взгляд с изнанки гуманизма.

Настоящий перевод выполнен с немецкого оригинала — четвертого издания 2010 года, вышедшего под расширенным подзаголовком *Konturen einer Philosophie der Menschenflucht* вышедшего с послесловием Франка Мюллера в издательстве *Johannes G. Hoof* в Варендорфе.

Это моя первая работа с немецким языком в качестве языка-источника. Полноценного перевода *Das Untier* на английский не существует — к 2026 году есть лишь машинный английский перевод, без участия человека в понимании контекста, с потерей смысла и нерешенными проблемами философской терминологии. Единственным профессиональным переводом книги остается, насколько я осведомлен, испанский — *El Monstruo*, — однако испанский я не знаю в той же мере, что и немецкий. Работая над текстом, я привлекал все доступные инструменты и источники, сверял варианты, возвращался к спорным местам и уточнял сложные фрагменты у носителей немецкого языка, благо место моего проживания без проблем это позволяет. Можно назвать это реконструкцией, но ни в коем случае не профессиональным переводом, хотя и реконструкцией, в которую я вложил много сил. Я рассчитываю охватить широкую аудиторию, и по-

этому в данной работе вы обнаружите больше трехсот примечаний на разные темы. Главной же сложностью была передача «духа немецкой философии». Можно пойти по сложному пути и оставлять немецкие, часто двусмысленные, часто непереводаемые термины в оригинале или находить аналоги в русском — тогда не получится как с переводом Майнлендера от С. П. Колбасова: всем интересно содержание, но не многие дойдут до середины даже первого тома. И дело не в плохом переводе, напротив, вероятно, он очень точен стилю автора, а первопроходческая деятельность Колбасова делает его работу недоступной для любой критики. Дело в самой философии пессимизма — она как никогда в упадке, и важнее передать не стиль автора или немецкое словообразование, а донести inferнальный пессимизм книги широкой аудитории. И пусть никто не уйдет обиженный. Для тех, кто в первую очередь ценит «немецкий дух», я снабдил текст сносками для немецких слов и терминов.

Забегая вперед, из книги Хорстманна можно вывести следующее: «Монстр» (*Untier*) с самого начала не был чем-то само собой разумеющимся для самого себя: в праформе антропофугального восприятия мира он был способен представить этот мир без себя. *Den Menschen zu Ende* означает не «домыслить человека до конца» в рамках существующей системы понятий, но «завершить проект человека» — исчерпать саму идею. *Das Ende des Menschen* — это конец самого понятия. Именно мышление «конца человека» как категории открывает то, что Хорстманн называет «антропофугальной перспективой» и «спекулятивным бегством от «человека»» (*Menschenflucht*). Бегство от человечества как коллективного было бы бессмысленным — от популяции не убежишь в мысли. Бегство возможно лишь от концепта, от гуманистической границы, которую и обозначает слово «человек». Цель, к которой движется эта перспектива, — «Монстр» (*Untier*): то, что находится

по ту сторону удобной, оптимистичной, лояльной к своему виду (*Gattungsloyalität*) концепции человека. Это попытка посмотреть на человеческое существо извне, и это всегда сложная и почти невозможная задача.

Масштаб этой идеи поразителен именно своей всепоглощающей силой — она с равной убедительностью объясняет самые разные жизненные и интеллектуальные позиции. Это близко и моему взгляду — тому, что я назвал космическим пессимизмом и описывал во второй своей книге «*Процессуальный пессимизм*»⁴, — противопоставленному космическому нигилизму как современной философской рамке, возведенной в абсолют силой науки. Описывая мир как процесс, направленный к страданию и распаду по необходимости, я пришел к выводу, что отказ от создания новых существ, обреченных войти уже в поврежденный и разлагающийся мир, — может быть единственной адекватной реакцией на происходящее, но это, конечно, не сможет изменить самого направления, заложенного в предопределении движения мира к конечному распаду. Благодаря работе Ульриха можно представить, что и антинатурализм также укладывается в логику «Монстра» (*Untier*) — в своей морали человечество лишь исполняет его волю, уничтожая даже намек на жизнь. Так антинатурализм можно рассмотреть не чем иным, как превентивной мерой — упреждающим уничтожением еще не существующего.

Однако я иду дальше и продолжаю линию, наметившуюся в «*Процессуальном пессимизме*» и интеллектуально восходящую именно к Филиппу Батцу. *Das Untier* вписывается в нее с точностью, которую трудно отрицать, — и все же было бы ошибочно видеть «Монстра» лишь в человеческом роде. Монстр есть имя того, что заложено в самом бытии, — процесса распада, которому

⁴ Педдер, В. Процессуальный пессимизм: О природе вселенского страдания и человеческого ничто. — М.: Тотенбург, 2026. — 326 с. ISBN 978-5-96216-2493-1

подчинено все сущее. Утверждать, что именно человечеству суждено привести этот процесс к завершению, значит возвращаться к антропоцентризму — и это, возможно, является уязвимым местом в концепции «Монстра». Столь же сомнительным представляется вложение в него содержания «коллективного бессознательного», распространяемого на весь человеческий род, движимого единой волей к смерти в духе Эдуарда фон Гартмана.

Здесь, на мой взгляд, обнаруживается проблема причинно-следственного характера. Хорстманн, вероятно, прав в своих выводах и целях, однако не в причине. Самоуничтожение как цель и самоуничтожение как следствие — принципиально различные вещи. Человечество разрушает себя и весь мир лишь потому, что является разновидностью хищника, масштабировавшего то, что присуще любому органическому существованию.

Хищником является все живое и не важно, травоядное или плотоядное, животное или растение, — поскольку жизнь по своей структуре есть уничтожение и поедание жизни. Это единственная доступная форма существования во Вселенной, в которой мы рождены. Каждый организм выживает за счет другого — и именно это выживание, накапливаясь и масштабироваясь, ускоряет общий распад мира. Человек довел этот процесс до планетарного масштаба в силу той же необходимости, которая движет травой, прорастающей сквозь камень. Войны и убийства — суть результат взаимодействия миллиардов индивидуальных решений, каждое из которых продиктовано той же необходимостью выживания, — решений, которые никто извне координирует, но ведет самой необходимостью в выживании. Финал этого процесса тоже превосходит любую антропоцентрическую рамку, ведь речь идет уже не о смерти рода людского, а о смерти самой Вселенной.

Впрочем, ближе к концу книги Хорстманн сам нащупывает нечто подобное — хотя и не решается перейти от догадки к утверждению:

«Быть может, воля человека к уничтожению и самоуничтожению — это вообще лишь высшее и впервые дошедшее до самосознания проявление первичного импульса и протоинстинкта, присущего всему живому и гонящего его к собственной гибели. Быть может, вся эволюция была не чем иным, как исполинским обходным путем, который избрала плазма, чтобы — после грехопадения самозарождения и изгнания из неорганического — лишиться себя обретенного ею потенциального бессмертия и после эонов безудержного роста вновь войти в нирвану пыли и газов. И быть может, Монстр со всей своей изобретательностью, самосознанием и философией — вовсе не венец творения, а лишь петля на его шее: изящный метод, на который еще миллиарды лет назад напала первая одноклеточная, чтобы после стольких же клеточных делений, умножавших ее жизнь, все же покончить с собой».

Но тут же он оговаривается: «Кто упрекает подобные домыслы о долгом марше амебы в смерть — о терпеливом самоубийстве ДНК — в сказочности и фантастичности, забывает познавательный потенциал тех прамифов о сумерках богов и катаклизме, с которых началось наше исследование. То, что новый миф излагается с эволюционно-теоретической обстоятельностью, мало что меняет, по существу».

Я хочу сказать, что точность, с которой Хорстманн описывает будущее человечества, сложно отрицать, но нужно смотреть шире, не только на органику на Земле, но и на все остальные компоненты нашей Вселенной, и понять, что все в ней стремится к распаду и уничтожению.

Слова «Превратим нашу пораженную болезнью обмена веществ планету в подобие Луны» не сработают лишь потому, что органика возникнет вновь, на других участках Вселенной, и все повторится вновь. Разоблачая гуманизм, Хорстманн сам приходит к нему через мысль об освобождении органики, к мысли о планете, на которой остались лишь минералы. Но выхода на самом деле нет, пока существует сама Вселенная, стремящаяся к распаду, и в этом отношении Майнлендер был самым прямолинейным, несмотря на метафизические изыскания своего времени. Но не подумайте, что это критика, это лишь мое личное дополнение к качественной интеллектуальной работе Хорстманна.

Из эссе, посвященных Майнлендеру, видно, что Хорстманн, едва ли не главный популяризатор Майнлендера в немецкоязычном пространстве, тем не менее нередко обвиняет последнего, не замечая той же проблемы в собственной работе, той самой, которую Майнлендер почти преодолел, — антропоцентризма. Майнлендер мыслил человека как венец творения⁵, способный довести дело Бога до его завершения, а Хорстманн лишь размышляет, боясь произнести со всей серьезностью и замараться перед академическим сообществом, что человек для него такой же венец творения, «изящный метод, на который еще миллиарды лет назад напала первая одноклеточная, чтобы после стольких же клеточных делений, умноживших ее жизнь, все же покончить с собой», и от того маскирует свой антропоцентризм под маской антропофугального мышления.

Но здесь нет места «возможно», человек не венец творения, как не является им и сама жизнь, наш вклад

⁵ Человек в его системе занимает привилегированное место не в банальном теологическом смысле, а как единственное существо, способное сознательно исполнить Волю к смерти (*Wille zum Tode*) — и тем самым завершить то, что Бог начал своим самоуничтожением.

в энтропию ничтожно мал и не необходим, но на определенном этапе наше существование стало возможным из самого свойства и состава Вселенной. Уничтожив себя или весь род по Майнлендеру, или всю Землю по Хорстманну, мы приблизим распад Вселенной, но лишь на ничтожно малую долю времени, настолько малую, что ее не отличить от нуля, и этот биологический двигатель энтропии возникнет вновь, будучи возможным в этой Вселенной. Само существование жизни, вопреки воззрениям части пессимистов, разгоняет энтропию больше, чем попытки уничтожить эту жизнь. Человек таков, как и любое другое живое существо, и не в его силах закончить распад Вселенной. Нет никаких причин искать освобождения в исчезновении биологической жизни, Вселенная не остановится в своем распаде без нее, но в мучениях, в страдании живого Вселенная показывает свое истинное лицо, подобно тирану, который не остановится, пока не достигнет своей цели любым путем.

Впрочем, Хорстманн спустя годы задумался над тем, почему кнопка запуска Третьей — «подготовительной», как он ее называет, — мировой войны так и не была нажата, при том что все было готово. Кратко он пишет об этом еще в 1999 году, в беседе с Фрицем Остермайером, которую я также включил в данный сборник. Однако именно работой *Abschreckungskunst*⁶ 2012 года он закрывает интеллектуальную линию «Монстра». Хорстманн перебирает расхожие объяснения — религиозное, политическое, военное — и предлагает признать заслугу воображения, которая в этих спорах неизменно остается в тени, и при том воображения в его катастрофическом, апокалиптическом разнообразии. По итогу Хорстманн формулирует аргумент, почему катастрофа так и не слу-

⁶ Ulrich Horstmann — *Abschreckungskunst: Zur Ehrenrettung der apokalyptischen Phantasie*, Wilhelm Fink GmbH & Co Verlags KG, 2012 ISBN-13: 978-3770552887.

чилась или пока не случилась. Лихорадочная, мультимедийная волна постапокалиптических фантазий — романы, фильмы, театральные постановки, песни 1970-х и 1980-х годов — сработала как искусство устрашения, сделав немислимое мыслимым прежде, чем оно успело стать действительным. Чем грандиознее возможное последствие действия, тем менее оно поддается представлению и тем слабее срабатывает механизм торможения. Третью мировую войну предотвратило искусство. Именно этот провал воображения из необходимости и должно было восполнить искусство. Но рано праздновать, и Хорстманн напоминает, что арсеналы по-прежнему полны и продолжают наращиваться для достижения финального Инферно на Земле.

С момента выхода книги прошло сорок три года. За это время *Das Untier* так и не был переведен на русский, а имя Хорстманна в русскоязычной среде известно единицам. Что там говорить, статью о Хорстманне в русскоязычной Википедии мне пришлось создавать с нуля, как и отстаивать ее право на существование, а в статье о Майнлендере даже в 2026 году можно было найти миф о стопке книг под ногами, и это при всей строгости интернет-энциклопедии к источникам. Современный русскоязычный читатель, интересующийся философским пессимизмом, по большей части вынужден довольствоваться переводами Чёрана — автора, вклад которого я не отрицаю, но не перестану утверждать его явную переоцененность, — и Шопенгауэра. Но пессимизм как традиция глубже, строже и беспощаднее, чем то, что доступно русскоязычному читателю. Отдельную благодарность я выражаю переводчикам, благодаря чьим стараниям у русскоговорящего читателя есть по крайней мере хотя бы один перевод Майнлендера, Бенатара, фон Гартмана, Теннессена и других авторов, хотя найти их, в отличие от двух вышеназванных авторов, либо проблематично,

либо возможно только в форме электронного издания. Этот факт лишь подчеркивает общую скудость не только переводов пессимистов, но и их печати и обсуждения. Этот перевод, разумеется, не лишен недостатков, однако даже несовершенный перевод лучше, чем отсутствие такового, — и сорок три года молчания вокруг этого текста служат тому достаточным подтверждением.

В данное издание кроме *Das Untier* входит также несколько работ, без которых это издание не может считаться полным, — они мягко заканчивают линию пессимизма Петера Весселя Цапффе и одновременно служат мостом к «Философии искупления» Филиппа Майнлендера.

Первым по хронологии идет эссе Хорстманна *Mainländers Mahlstrom* 1989 года — текст, написанный примерно через шесть лет после *Das Untier* и уже тогда выдающийся в авторе человека, чья связь с Майнлендером выходит далеко за пределы академического интереса. Эссе написано в жанре философской прозы с элементами биографии — Хорстманн ведет читателя через жизнь и мысль Майнлендера с той дотошностью, которая обнаруживает в Хорстманне скорее союзника Майнлендера, нежели просто исследователя. Именно здесь впервые складывается образ «Философии искупления» (*Die Philosophie der Erlösung*) как первой энтропийной метафизики.

Затем идет *Der philosophische Dekomponist* — эссе из собственного предисловия Хорстманна к антологии работ Майнлендера 2004 года⁷. Ранее это эссе уже было опубликовано в сборнике *Was Philipp Mainländer ausmacht: Offenbacher Mainländer-Symposium 2001* и имеет некоторые расхождения с вариантом 2004 года. Я использую именно издание 2004 года по причине пол-

⁷ *Vom Verwesen der Welt und anderen Restposten. Eine Werkauswahl von Philipp Mainländer und Ulrich Horstmann, Warendorf, 2004* («О разложении мира и прочих остатках. Подборка произведений Филиппа Майнлендера и Ульриха Хорстманна»).

ного доступа к тексту и невозможности получить полную копию издания 2001 года. Это эссе примечательно тем, что именно в нем Хорстманн, вписав себя от первого лица в сцену смерти Майнлендера, создал устойчивый миф о том, что тот использовал стопку только что отпечатанных экземпляров «Философии искупления» как подставку для виселицы. Никаких документальных свидетельств этому нет, но образ оказался сильнее документов — и с тех пор кочует по биографическим статьям и пересказам как установленный факт, вытеснив скучную, но более достоверную версию самоубийства из полицейского отчета.

Следом идет интервью для австрийского телеканала ORF 1991 года «Дискуссия между футурологом Робертом Юнгом и Ульрихом Хорстманном»⁸ и беседа с Фрицем Остермайером⁹ в эфире австрийской национальной радиостанции FM4 1999 года.

В завершение сборника я включил эссе Германа Теннессена «Счастье — это для свиней. Философия против психотерапии», а точнее его второе издание под названием «Серьезно-комическая встреча клинической психологии и экзистенциальной философии». Первое издание *Happiness is for the Pigs* 1966 года вышло в *Journal of Existentialism* (Vol. VII, No. 26, зима 1966/67) с подзаголовком *Philosophy versus Psychotherapy*. Второе издание представляет собой переработанную версию того же эссе, опубликованную в сборнике *Toward Unification in Psychology* под иным названием — *The Serio-Comic Encounter of Clinical Psychology and Existential Philosophy*. Оба текста практически идентичны, второе издание 1969 года отличается большей подробностью и снабжено развернутыми комментариями от коллег Теннессена. Что до изда-

⁸ Я транскрибировал его из оригинального видео и постарался адаптировать под текстовой формат.

⁹ Транскрипт Рене Кайзера.

ния 1966 года, то оно переводилось на русский язык лишь единожды — Павлом Рлицем в 2018 году, и было опубликовано в двадцать шестом номере «Опустошителя», так и оставшись за пределами широкой читательской аудитории. Интерес к Теннессену возник немного позже. В 2024–2025 годах я получил из библиотеки Осло экземпляр «Я выбираю истину — диалог между Петером Весселем Цафффе и Германом Теннессеном»¹⁰, перевел и издал эту работу вместе с эссе «Последний Мессия», напомнив тем самым сторонникам темной философии и просто реалистам о норвежских авторах и обнаружив читательскую потребность в работах Теннессена — в частности, в новом издании «Счастье — это для свиней». При этом объем для самостоятельного издания оставался недостаточным, расширенное же издание 1969 года было тогда мне недоступно. Теннессен — норвежский философ, чья работа неотделима от норвежской традиции пессимизма, — завершает здесь линию философских работ Петера Весселя Цафффе¹¹. Разумеется, картина остается незавершенной, и за ее пределами лежат, к примеру, работы Йенса Бьернебу, который был тесно знаком с Цафффе, писал рецензии к его работам и сам был плодовитым писателем, который, однако, после очередного приступа депрессии покончил с собой. Но признаюсь, я ощущаю, что у меня больше нет сил заниматься этой работой, находясь под постоянным давлением — давлением времени и цензуры прежде всего, поскольку каждый день приходит страх, что работа будет отменена, запрещена,

¹⁰ Комично, что в 2026 году в Норвегии не знают о переводе книги на русский и считают, что впервые публикуют текст «Я выбираю истину» в Сети, хотя я отсканировал и выложил его на *Academia.edu* еще в 2024 г. Что, правда, не удивительно, учитывая, что текст не переведен даже на английский язык.

¹¹ Существуют еще пара интервью Теннессена *Livssyn uten Kirke* и *Herman Tønnessen og Helmut Ormestad* на норвежском и работа *Language Analysis and Empirical Semantics* («Анализ языка и эмпирическая семантика»), но они к теме не относятся.

объявлена вне закона прежде, чем успеет завершиться, да и оставшиеся важные переводы работ по этике и пессимизму уже не суждено выпустить на русском, как и говорить об этом открыто. За три года я в непрерывном режиме последовательно переводил, редактировал и систематизировал десяток книг по пессимизму. Часть переведенных работ до издания так и не дошла, однако у этой гонки был и обратный эффект — на тщательную вычитку и стилистическую доработку попросту не оставалось времени. Главным было опубликовать на русском пессимистов, которых издательства всегда будут обходить стороной, и предоставить обычному человеку к ним доступ без языкового барьера, тем самым создать прецедент — дать импульс будущим авторам, переводчикам и издателям, показать, что они не одиноки в своем мироощущении, а заодно опровергнуть укоренившееся издательское убеждение, будто пессимизм в России не читаем, коммерчески нецелесообразен или читатель к нему не готов. Пока этого убеждения никто не оспаривал, и пессимизм оставался уделом самиздата и маргинальных журналов. Надеюсь, моя работа показала издателям и переводчикам, что интерес к пессимизму существует — и за ним стоит широкая аудитория, и в будущем, в том будущем, где темную философию не будут клеймить и отгораживать, можно будет найти Юлиуса Банзена, Дэвида Банатара, Сару Перри, Хулио Кабреру и других. Кабрера вероятно будет важен тем, кто интересуется творчеством Теннессена, рассматривая проблему человеческого положения глубже¹². Плоды, впрочем, можно собирать уже сейчас. В 2026 году издательство «Опустошитель» выпустило второй пере-

¹² Тогда как Теннессен видел ее лишь как эпистемологическую, а не экзистенциальную. Кабрера же, в отличие от него, не ограничивается анализом и критикой, убирая излишний оптимизм Теннессена и предлагает «негативную этику» — основанную на представлении о человеческой жизни как «структурно негативной».

вод — «О трагическом» П. В. Цапффе, на этот раз с английского, и в том же году одно из крупнейших издательств России АСТ выпускает «Злого демиурга» Эмиля Чёрана. Это заслуга прежде всего тех, кто в одиночестве, чаще всего анонимно, переводил Цапффе, Лиготти, Майнлендера, Гартмана, Бенатара и других задолго до того, как те вошли в широкое общественное сознание, тех, кто создавал свой контент в Сети и переводил нарезки зарубежных антинаталистов и эфиллистов, даже после остракизма последних на Западе за радикальные взгляды.

Настало время оставить вас наедине с книгой. Следующая, заключительная наша встреча состоится уже в безднах разума Филиппа Майнлендера.